

ХРОНИКИ
ПРОПАВШЕГО ЛЕГИОНА:

ПРОПАВШИЙ ЛЕГИОН

ИМПЕРАТОР ДЛЯ ЛЕГИОНА

ЛЕГИОН ВИДЕССОСА

МЕЧИ ЛЕГИОНА

HARRY TURTLEDOVE

THE
LEGION OF
VIDESSOS

SWORDS
OF THE
LEGION

ГАРРИ ТЕРТЛДАВ

ЛЕГИОН
ВИДЕССОСА

МЕЧИ
ЛЕГИОНА

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т35

Harry Turtledove

THE LEGION OF VIDESSOS copyright (c) 1987 by Harry Turtledove
SWORDS OF THE LEGION copyright (c) 1987 by Harry Turtledove

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL,
INC., Armonk, New York, U.S.A.

Иллюстрация на обложке *Екатерины Машлятиной*

Карта 7Narwen

Тертлдав, Гарри.
Т35 Легион Видессоса. Мечи легиона / Гарри Тертлдав ; [перевод
с английского А. Вейцкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 1024 с.

ISBN 978-5-04-193894-9

Прошли годы с момента, как Марк Скавр вместе со своим легионом был перенесен в иной мир, полный сражений и магии. Благодаря своим боевым навыкам бывший римский трибун обрел славу, почет и семью. Однако нрав Фортуны никогда не отличался постоянством.

Преданный своим близким человеком, Скавр оказывается обвинен в государственной измене. Его надежда на спасение — племянница императора Алипия Гавра. И, конечно же, верные солдаты его легиона.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-193894-9

© Вейцкин А., перевод на русский язык, 2024
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

КНИГА 3

ЛЕГИОН ВИДЕССОСА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ДОЛИНЕ АРАНДОСА, В СТЕПЯХ ПАРДРАЙИ

— Очень уж жарко сегодня, — пожаловался Марк Эмилий Скавр, вытирая ладонью лоб. Ближе к вечеру высокие башни Видессоса уронят тени на тренировочное поле римлян, расположенное поблизости от мощной видесссианской крепости. Но сейчас стены цитадели раскалились от нестерпимого жара.

Военный трибун вложил меч в ножны.

— С меня достаточно.

— Вы, северяне, не знаете, что такое хорошая погода, — заявил Гай Филипп.

Старший центурион обливался потом не хуже своего командира, однако такая жара вовсе не казалась ему невыносимой. Как и большинство римлян, он наслаждался климатом Империи. Но Марк родился и вырос в Медиолане, северном италийском городе, который был основан кельтами. В жилах военного трибуна, несомненно, текла кровь северян.

— Ну да, волосы у меня светлые. Знаешь, тут уж я ничего не могу поделать, — сказал Марк устало. Гай Филипп упражнялся в остроумии по поводу его отнюдь не римского облика еще с тех пор, как они впервые встретились в легионе, — это было в Галлии.

У старшего центуриона было широкое, почти квадратное лицо с мощным носом и крепким, выступающим вперед подбородком.

Седеющие волосы он коротко стриг. Гай Филипп вполне мог бы служить моделью для портрета на римский динарий. И так же, как прочие его соплеменники, включая и Скавра, он продолжал брить бороду — даже спустя два с половиной года жизни в Видессосе, стране бородачей. Воистину, римляне — народ упрямый.

— Посмотри-ка на солнце, — сказал Марк.

Гай Филипп бросил быстрый взгляд на солнечный диск и присвистнул от удивления.

— Неужели мы тренировались так долго? Лично я получил от этого большое удовольствие. — Он повернулся к легионерам и крикнул: — Эй, вы! Хватит! Построиться в колонну и марш к казарме!

Солдаты — римляне, видессиане, а также васпуракане, присоединившиеся к легиону уже после того, как он прибыл в Империю, — со стонами облегчения положили на землю тяжелые деревянные мечи и увесистые полевые щиты. Гаю Филиппу перевалило уже за пятый десяток, что отнюдь не мешало ему оставаться куда более выносливым, чем многие, кто был моложе его на двадцать и даже на тридцать лет. Скавр завидовал этому.

— Они поработали совсем неплохо, — вступился Марк за легионеров.

— Могло быть и хуже, — снизошел Гай Филипп. В устах ветерана это была самая высокая похвала. Въедливый и придирчивый профессионал, он никогда не бывал удовлетворен до конца и не стал бы довольствоваться меньшим, чем непогрешимость.

С ворчанием Гай Филипп сунул меч в ножны.

— Мне не нравится этот проклятый клинок. Не гладий, а хрен знает что. И слишком длинный. Видессианское железо чересчур гибкое. Рукоять неудобно лежит в руке. Надо было отдать эту железку Горгидасасу, а свой старый меч держать при себе. Глупый грек все равно не заметил бы разницы.

— Многие из легионеров с радостью поменялись бы с тобой мечами, — заметил Марк.

Эти слова заставили старшего центуриона еще крепче схватиться за рукоять меча, инстинктивно защищая его. На самом деле этот меч был отличным оружием.

– Что касается Горгидаса, то ты скучаешь по нему, как и я. И по Виридовиксу тоже, – добавил Марк.

Как он и рассчитывал, старший центурион немедленно взъелся:

– Чепуха! И насчет меча, и насчет этих двоих. Хитрый маленький грек и дикий галл? Чтобы я скучал по ним? Солнце, должно быть, окончательно расплавало твои мозги!

Но трибун всегда знал, когда старший центурион говорит искренне, а когда притворяется.

– Ты страдаешь, когда у тебя нет никого, с кем можно было бы поругаться.

– И ты тоже, если только у тебя нет повода придрасться к моим мозгам.

Марк криво улыбнулся.

Гай Филипп был более типичным римлянином, чем Марк, – практичным и прямолинейным, который не доверяет ничему, что не имеет под собой реальных оснований. Но вдвоем они были силой: жесткий тактик, ветеран Гай Филипп и стоик Скавр, искушенный в политике, человек широких взглядов, отличный стратег.

Когда-то, еще до того, как зачарованный друидами меч трибуна забросил римлян в Видессос, Марк не собирался делать карьеру на военном поприще. Однако в Риме каждому молодому человеку, особенно даровитому и образованному, если он намеревался идти вверх по служебной лестнице, необходимо прослужить несколько лет в армии. Теперь же Скавр превратился в капитана наемников и со своим отрядом служил раздираемой фракциями Империи. Ему потребовался весь его политический опыт для того, чтобы просто выжить, лавируя между военными и придворными. В Видессосе люди начинают плести интриги, думал Марк, еще в те дни, когда сосут грудь матери.

– Эй, Флакк! Подтянись! – рявкнул Гай Филипп. Легионер на мгновение замешкался и вопросительно взглянул на командира. Гай Филипп одарил его в ответ гневным взглядом – больше по привычке, чем по-настоящему сердясь.

У Серебряных Ворот видессиианские часовые отсалютовали Марку, как если бы он был одним из их офицеров: опустил головы и прижав к сердцу сжатые кулаки. Скавр кивнул в ответ.

Переведя глаза на громадные, окованные железом с острыми шипами ворота, Скавр вновь ощутил горечь: прошлым летом у этих ворот пало слишком много римлян — незаменимых римлян! — когда они безуспешно пытались пробиться в город. Только мятеж в столице дал Туризину Гаврасу возможность войти в Видессос и восстановить свою власть, узурпированную Ортайясом Сфранцузом. Впрочем, сам Ортайяс был весьма жалкой фигурой. Но защитникам цитадели едва ли требовались его полководческие таланты: мощные укрепления столицы действительно неприступны.

Легионеры вошли в город, и Видессос радостно закипел вокруг колонны. Вступление в город всегда было чем-то вроде хорошего глотка крепкого вина. Каждый новичок в столице старался дышать глубже, втягивая ноздрями ее пьянящий воздух, а сделав второй глоток вслед за первым, восторженно распахивал глаза пошире.

Срединную улицу, главную торговую магистраль Видессоса, Марк знал довольно хорошо. Римляне прошли по ней в день своего первого вступления в столицу. По ней бежали они навстречу отчаянной схватке в тот день, когда Ортайяс был свергнут с престола. Много раз маршировали по ней, когда шли от казармы к тренировочному полю и возвращались назад, в казармы. Сегодня они двигались медленно: как обычно, Срединная улица была полна народу. Трибун с сожалением вспоминал герольда, который сопровождал их в день первого вступления в Видессос. Тогда его зычный глас расчищал улицу перед солдатами. Однако подобной роскоши легионеры не знали уже давно.

Солдаты Скавра плелись за двумя тяжелыми, скрипящими на ходу телегами, которые везли золотисто-желтый песчаник. Каждую телегу тащила дюжина лошадей. Они ползли со скоростью улитки.

Разносчики товаров, как стая мух, вились вокруг солдат, наперебой предлагая им вино и политый фруктовым сиропом лед — любимое зимнее лакомство видессосцев. В теплую погоду лед привозили специальные посыльные, и потому он был слишком обременительной роскошью для солдатского кошелька. Торговцы совали солдатам изделия из кожи, замши, дерева, бронзы, меди, нахваливали любовные напитки и средства для усиления мужской силы.

— Ты сможешь сделать семь кругов за ночь! — возглашал разносчик патетически. — Вот, господин, не угодно ли попробовать?

Он протянул флакон Сексту Муницию, который был недавно произведен в младшие офицеры. Муниций, рослый парень с россыпью темных веснушек на щеках и подбородке, мускулистый и стройный, в офицерском шлеме с плюмажем из конского волоса и до блеска отполированной кольчуге, выглядел весьма внушительно. Молодой офицер взял маленький флакон из тонких рук видессианина, осмотрел со всех сторон как бы в раздумьях и протянул назад продавцу.

— Да нет, забери, — молвил он наконец. — Семь кругов за ночь, говоришь? Зачем мне такой любовный напиток, от которого моя сила только уменьшится?

Легионеры громко захохотали. Особенно они потешались потому, что Муниций срезал видессианина — имперцы всегда слыли краснобаями и жуликами. Продавец не нашелся что ответить и замер с раскрытым ртом.

Казалось, на каждом втором перекрестке стоял храм Фоса. В Городе их насчитывалось несколько сотен. Облаченные в голубые плащи жрецы и монахи с обритыми головами — их макушки сверкали ярко, словно золотые шары на шпильях храмов, — составляли немалую часть прохожих. Проходя мимо солдат Марка, они обводили круг — знак Фоса-Солнца — на левой стороне груди, напротив сердца. Многие видессиане и некоторые римляне в колонне отвечали тем же знаком, отвращая от себя злого духа.

Легионеры миновали площадь Ставракиоса, где возвышалась позолоченная статуя великого Императора-завоевателя. Затем путь их лежал по шумному кварталу, населенному кузнецами и медниками, мастерами по бронзе, серебру и золоту. Отсюда Средняя улица резко сворачивала на запад, к императорским дворцам. Римляне прошли через площадь, которую в столице именовали площадью Быка (Марк до сих пор не знал, почему она так странно называется), оставили позади громадное здание из красного гранита, где помещались архивы Видессоса (а в подвалах этого же гиганта находилась тюрьма), и оказались на площади Паламы — самой большой из площадей столицы.

Если город Видессос был зеркалом Империи, то площадь Паламы, несомненно, заключала в себе весь город Видессос. Знатные горожане, одетые в широкие халаты и плащи, украшенные золотым и серебряным шитьем, смешивались в толпе с городскими бродягами, жуликами и бандитами, которых можно было узнать по туникам с пышными рукавами и ярким штанам. Подвыпившая потаскушка, привалившаяся к стене; наемник-намдалени с выбритым затылком (это делалось для того, чтобы шлем лучше сидел на голове), торгующийся с ювелиром из-за кольца; монах, проводящий время в теологическом споре с процветающим булочником (оба спорщика улыбаются друг другу), — все это людское многоцветье площади Паламы.

Скавр бросил беглый взгляд на Веховой Камень — обелиск, высеченный из того же красного гранита, что и здание архива. Обелиск был точкой, от которой отсчитывалось расстояние от столицы до любого уголка Империи. Надпись у основания обелиска повествовала о том, как великий барон Дракс и его намдалени подавили в западных провинциях мятеж Баана Ономагулоса. Над надписью красовалась голова Ономагулоса, недавно доставленная в город. Мятежник был почти совершенно лыс, поэтому вместо того, чтобы подвесить голову за волосы, видессииане привязали ее за кожаный шнурок, продетый через уши. Очень немногие из прохожих поглядывали на голову казненного. За последнее столетие несколько поколений видессииан стали свидетелями такого большого количества неудачных мятежей, что почти перестали обращать на них внимание.

Гай Филипп проследил взгляд Марка.

— По заслугам ублюдку, — сказал он.

Трибун кивнул.

— После того как Маврикиос Гаврас погиб, Баан возомнил, что Империя по праву принадлежит ему. Он даже на минуту не мог представить себе, что Туризин — нечто большее, чем просто никчемный маленький братец Маврикиоса. Я полагаю, это самая большая ошибка Баана.

Гай Филипп по-солдатски уважал Автократора Видессииан. Надо сказать, что Туризин отвечал ему тем же. После бурлящей пло-

щадя Паламы тихая, почти безлюдная красота дворцового комплекса действовала почти ошеломляюще. Марк никогда не знал, как реагировать на этот резкий переход от шума к тишине. Иногда это успокаивало его, но часто ему казалось, что он как бы уходит в сторону от живой жизни. Сегодня, решил трибун, площадь была все же слишком шумной. Спокойное послеполуденное время, проведенное в казарме в ничегонеделании, подходило к сегодняшнему настроению Марка куда лучше.

– Командир, – окликнул Скавра часовой, поколебавшись.

– Что тебе, Фостул? – Марк поднял голову, оторвавшись от документов о выплате жалованья солдатам. Он запомнил место, где остановился, и снова взглянул на легионера.

– Там лысый... Он хочет поговорить с тобой.

– Лысый? – моргнул трибун. – Ты хочешь сказать, жрец?

– Кто же еще? – Фостул ухмыльнулся. Он не принадлежал к числу римлян, начавших поклоняться Фосу. – Большой, толстый. Лет, должно быть, пятидесяти, судя по седине в бороде. У него довольно грубое лицо, – добавил часовой.

Марк почесал за ухом. Он был знаком с несколькими жрецами, но это описание не подходило ни к одному из них. Однако трибун не собирался наносить оскорбление представителю официальной религиозной иерархии Видессоса; зачастую Церковь Фоса бывала могущественнее даже Императора. Марк вздохнул и свернул пергамент, завязав свиток шелковым шнуром.

– Что ж, пусть войдет.

Фостул отсалютовал по-римски, выбросив вперед правую руку, сжатую в кулак, затем, как на параде, повернулся и поспешил к посту у входа. Подбитые гвоздями сапоги застучали по полу.

– Не слишком-то ты торопился, – услышал Марк ворчание жреца. Тот был явно недоволен Фостулом и изливал раздражение, пока часовой вел его к маленькому столу в углу казармы – Марк использовал этот уголок в качестве рабочего кабинета.

Трибун поднялся со стула, здороваясь с гостем.

Жрец действительно оказался почти одного роста со Скавром. Благодаря своим северным предкам трибун был выше, чем боль-

шинство римлян и видессиаан. Когда он протянул руку посетителю, крепкое сухое рукопожатие жреца выдало немалую силу.

– Можешь идти, Фостул, – сказал трибун.

Отсалютовав, легионер вернулся на пост. Жрец тяжело опустился в кресло, скрипнувшее под его тяжестью. Пот темными пятнами проступал на плаще под мышками, сверкал на бритой голове.

– Во имя света Фоса! Стоять на жарком солнце – тяжелый труд, – обвиняюще произнес жрец густым басом. – Не найдется ли у тебя винца для ближнего, изнуренного жаждой?

– М-м... Да, конечно, – ответил трибун, несколько удивленный такой прямоотой. Большинство видессиаан предпочитало выражаться куда более витиевато.

Марк принес кувшин вина и две глиняных кружки. Плеснув в одну вина, он передал ее жрецу. Вторую поднял приветственным жестом.

– Твое здоровье, уважаемый... – он остановился, не зная имени гостя.

– Стипий, – бросил тот коротко и грубо. Как все видессиаанские священнослужители, он опускал фамилию в знак того, что посвятил себя одному лишь Фосу. Прежде чем отпить, жрец воздел руки и прошептал:

– Фос, Владыка Благой и Премудрый, милостью Твоей Заступник наш, пекущийся во благовремени, да разрешится великое искушение жизни нам во благодать.

Затем сплюнул на пол в знак отрицания Скотоса – вечного антагониста Фоса. Жрец подождал немного, чтобы дать римлянину возможность присоединиться к ритуалу, но Скавр, хоть и уважал обычаи Видессоса, не всегда подражал им и не придерживался их в тех случаях, когда не разделял веры имперцев.

Стипий неприязненно глянул на трибуна.

– Безбожник! – прошептал жрец.

Марк понял, что имел в виду Фостул, когда говорил, что лицо у «лысого» грубое: узкие бескровные губы едва скрывали крепкие желтые зубы, черты казались рублеными.

Стипий проглотил вино, и трибун еле сдержался, скрывая раздражение. Видессиаанин осушил кружку в одно мгновение, напол-

нил ее снова, не дожидаясь приглашения, снова выпил до дна и повторил процедуру в третий раз, опорожнив сосуд столь же стремительно, как и в первые два раза. Марк едва пригубил.

Стипий начал было наливать себе четвертую, но кружка наполнилась лишь до половины – кувшин опустел. Жрец недовольно фыркнул и отодвинул кувшин в сторону.

– Ты пришел сюда за выпивкой или тебе нужно что-нибудь еще? – резко спросил Скавр. И тут же почувствовал укол стыда: разве стоицизм не учит принимать каждого человека таким, каков он есть?

Марк попробовал задать вопрос вторично, на этот раз без сарказма:

– Чем мы можем быть тебе полезны?

– Сомневаюсь, что такое вообще возможно, – ответил Стипий, в очередной раз разозлив трибуна. – Мне сказали, что, напротив, я должен помогать вам.

Судя по кислому выражению лица, Стипий был отнюдь не в восторге от такого поручения.

Жрец оказался пьяницей с солидным стажем. После возлияний речь его не стала менее внятной, и передвигался он прямо и уверенно. О количестве выпитого можно было догадаться лишь по легкой красноте, выступившей на его лбу и носу, хотя жрец успел немало «погрузить на борт».

Прихлебывая из кружки, Скавр пытался не давать волю раздражению.

– Кто же поручил тебе помогать нам? – спросил он, желая сделать словесную дуэль более интересной. Чем скорее эта винная губка в голубом плаще уйдет, тем лучше. Кто же напустил на римлян этого пьяницу – Нейпос или патриарх Бальзамон? И чем это их так прогневали несчастные легионеры, что бедным наемникам было ниспослано подобное наказание?..

Стипий удивил Марка ответом.

– Метрикес Зигабенос сообщил мне, что врачеватель вас покинул.

– Да, это так, – признал Марк и мельком подумал о том, что любопытно было бы узнать, что поделывает сейчас Горгидас в Пардрайских степях.